

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 24 (4149)

Четверг, 25 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Пробывание Председателя Совета Министров СССР
Н. С. ХРУЩЕВА в Индонезийской Республике.

Жители Джкарты преподносят цветы Н. С. Хрущеву и Президенту Индонезии Сукарно. Фото А. Стужина

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ЛИТЕРАТОРЫ У СВОИХ ГЕРОЕВ

КАРАГАДИНЦЫ ПРИНИМАЮТ ГОСТЕЙ

В КАРАГАДИНЦЕ проходит месячник казахской литературы. За то время, что писатели пробывали в городе, они близко познакомились и подружились с многими рабочими и шахтерами, побывали у них в гостях. Свыше двадцати бесед и лекций о литературе прослушали карагадинцы. Гали Орманов, Мухамеджан Каратаев, Абдылла Тустайын, Сергей Марьянов, Федор Моргун, Николай Ровенский, Зейнулла Кабулов, Гайр Каирбеков, Леонид Кривошеин рассказали читателям о современной советской литературе. В Темир-Тау состоялся День советской поэзии.

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ...

На читательскую конференцию, посвященную роману Габдина Мустафина «Карагадин», пришли не только молодежь, но и старые шахтеры, те, о которых написана книга. Но не только на читательских конференциях встречались писатели со своими героями. Одним из полков Панфиловской дивизии командовал писатель Б. Момыш-улы. И вот на одном из литературных вечеров Момыш-улы неожиданно встретился с прототипом своего героя из книги «За нами Москва», бывшим пулеметчиком полка Алексея Ивановича Блоха. Третьего, старшего и звеновавшего было свидание бывших одноклассников.

В этот же день произошла другая, не менее удивительная встреча. Когда-то в степь, куда, где теперь раскинулся Карагадин, прибыли первые студенты-практиканты. Студент Мухамеджан Каратаев познакомился в то время с совсем еще молодыми парнями Толубаевым и Каденом, прибывшими из аулов на строитель-

А. АЛИМЖАНОВ
КАРАГАДИН. (Наш соб. корр.)

Пропаганда — это творчество

О. ШАРАФУДИНОВ

А школьная программа? Например, ею строго предписано, что в 8-м классе следует изучать узбекскую революционную литературу, а в 9—10-х классах — литературу советской эпохи. Но разве учение 8-го класса, еще не искусный ни в тонкостях восточной поэзии, способен вынести всю философскую и эмоциональную глубину творений Навои, Бабур, Фурката? Ведь не секрет, что иной раз и профессионалы-литературоведы разбираются в них с помощью специальных словарей.

Молчание. Ты ничего не знаешь об Островском? А мы этого не проходили. Да и домой не задавали.

Эти случаи я вспоминаю, перечитывая постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Там говорится, в частности, о том, что в целях повышения воспитательной роли, популярности и действенности пропаганды нужно активнее использовать идейное и эмоциональное воздействие лучших произведений художественной литературы и искусства.

И прежде всего думаю о школе, потому что я не только литературный критик, но и преподаватель литературы. Как часто на преподавателя литературы ложатся печать формализма и казенщины, как часто авторы школьных учебников, методических разработок, а вслед за ними и преподаватели навязывают ученику примитивные представления о литературе! Мальчишка, с которым я познакомился в школьном саду, всего-навсего «сучил уроки», даже не подозревая, что равнодушный педагог, по-видимому, требованию программы, по существу, утаил от него чудесные книги.

Передо мной методическое пособие «О преподавании литературы в школе в 1959/60 учебном году», изданное Академией педагогических наук РСФСР. Авторы пособия рекомендуют «проходить «Ревизора», задавая учащимся следующие вопросы: «За кого горюничий и чиновники приняла Хлестакова?», «Что предпринял горюничий и чиновники, чтобы сохранить свое благополучие?», «Догадываете ли Хлестаков, за кого его принимают, и как он ведет себя в присутствии чиновников?». Какой скукой и казенщиной веет от этих вопросов!

Неужели авторы полагают, что именно такими примитивными вопросами они и добьются от учащихся анализа, «который бы не подавался, а усваивал эмоционально-эстетическое восприятие». Хорошее намерение авторов плохо согласуется с их советами и пожеланиями учителя.

Встреча в редакции. Разговор был интересным и полезным. Были затронуты вопросы совещания, состоявшегося на днях в редакции «Литературной газеты».

Из научных организаций и учебных заведений передо мной встала проблема, которую требуют срочного разрешения. Лучшая организация производства, комплексная механизация, широкое распространение передового опыта — вот некоторые из важнейших вопросов сегодняшнего дня в сельском хозяйстве. И в их решении печать должна сыграть свою роль.

Ученые рассказали о крупных успехах сельского хозяйства нашей страны за последние годы. Сделано еще далеко не все, — подчеркнул в своих выступлениях Г. Г. Ионов, С. М. Ибрагимов, К. А. Охалкин, А. П. Терехов, А. А. Шихтер. «В настоящее время существует много проблем, которые требуют срочного разрешения. Лучшая организация производства, комплексная механизация, широкое распространение передового опыта — вот некоторые из важнейших вопросов сегодняшнего дня в сельском хозяйстве. И в их решении печать должна сыграть свою роль.

«Острые, широкое ставшие и обдуманные проблемы сельского хозяйства», — обратились они к рабочим газетам.

В постановлении ЦК КПСС есть замечательные слова, которые адресованы как непосредственно писателям и критикам: «Пропаганда идей коммунизма должна быть близкой и понятной трудящимся, носить задушевный характер, доходить до ума и сердца каждого советского человека, будить в нем самые светлые и благородные мысли и чувства».

Живое слово... Вот именно его-то и не хватает многим нашим статьям, в которых теоретические рассуждения даны в наукообразной форме, так что о непо-

за ее пределами, — на это указали художники А. Савицкий, В. Мотылевская, работник Каунасского художественного музея С. Лукошис, председатель совета Каунасского университета культуры А. Лукошиса и другие.

Читательские конференции в Вильнюсе и Каунасе проводили члены редколлегии Е. Сурков, ответственный секретарь редакции О. Прукаев, сотрудники редакции Э. Куртора, Э. Григорайтис; в литовской части конференции выступали литовские и московские поэты В. Мозурюнас, А. Балтакис, В. Реймерис, Э. Матузявичюс, А. Юиннас, В. Шумбайте, Г. Канович, Б. Окуджава и В. Берестов.

Конференция в Вильнюсе проходила под руководством председателя правления Союза писателей Литвы Э. Межаляйтиса. В ней приняли участие секретарь ЦК КП Литвы В. Нюнка, редактор республиканской газеты «Тiesa» Г. Зманас, председатель правления Союза журналистов Литвы И. Каросас. В Каунасе на конференции председательствовал член президиума правления Союза писателей Литвы поэт В. Реймерис. В конференции приняли участие секретарь Каунасского горкома КП Литвы П. Мишутис, заведующий отделом агитации и пропаганды горкома А. Умбрасас.

Большее внимания изобразительному искусству, театру, драматургии, развитию культуры в нашей стране и

Вильнюс. (Наш корр.)

Мост «Европа—Африка»

На гостеприимной земле Италии, в древней и вечно молодой ее столице, в эти, здесь уже совсем по-европейски теплые дни произошла встреча не только необычная, но и во многом знаменательная. Писатели, ученые, деятели культуры двух континентов — Африки и Европы — собрались в Риме, движимые стремлением к взаимному обогащению европейской и африканской культуры, искренним желанием лучше понять друг друга, отбросив предрассудки и преубеждения.

Инициатором встречи писателей двух континентов, которую здесь, в Риме, для краткости назвали встречей «Африка—Запад», явился Европейское общество культуры — объединение, цель которого — содействие культурным контактам Запада и Востока.

Дискуссия началась 22 февраля и продолжалась три дня. Ее открыли доклады, прочитанные в римском Капитолии Франсуа Мориаком, представлявшим европейскую культуру, и виднейшим поэтом Африки Председателем Собрания Федерации Мали — Леопольдом Сенгором.

Затем от писателей и ученых Африканского континента выступили поэт Эме Сезэр с Мартином профессор физики Шейх Анта Диоп из Сенегала, профессор социолог Буаза из Ганы, профессор Элиас из Нигерии, генеральный секретарь Общества африканской культуры и редактор журнала «Презанс Африкан» Амин Диоп.

В температивных речах деятелей африканской культуры можно было услышать бичение гласа народов пробуждения Африки, утверждение духовного богатства африканского континента.

Свой вклад в дискуссию внесли также деятели западной культуры, как крупнейший итальянский писатель Альберто Моравиа, генеральный директор ЮНЕСКО Веронезе, известный советскому читателю бразильский ученый Жозуе де Кастро.

Советские представители, среди которых были профессор африканист Иван Потехин, писатели Габит Мусрепов, Борис Полевой, приняли во встрече самое деятельное участие.

Можно сказать, что здесь, в Риме, был заложен первый камень в строительстве большого моста, который свяжет сердце и умы народов Африки и Европы. Когда идет такая стройка, советские люди никогда не стоят в стороне.

Г. БРЕЙТБУРД
РИМ. (По телефону)

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Эти случаи я вспоминаю, перечитывая постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

И прежде всего думаю о школе, потому что я не только литературный критик, но и преподаватель литературы.

Как часто на преподавателя литературы ложатся печать формализма и казенщины, как часто авторы школьных учебников, методических разработок, а вслед за ними и преподаватели навязывают ученику примитивные представления о литературе!

Мальчишка, с которым я познакомился в школьном саду, всего-навсего «сучил уроки», даже не подозревая, что равнодушный педагог, по-видимому, требованию программы, по существу, утаил от него чудесные книги.

Передо мной методическое пособие «О преподавании литературы в школе в 1959/60 учебном году», изданное Академией педагогических наук РСФСР.

Авторы пособия рекомендуют «проходить «Ревизора», задавая учащимся следующие вопросы: «За кого горюничий и чиновники приняла Хлестакова?», «Что предпринял горюничий и чиновники, чтобы сохранить свое благополучие?», «Догадываете ли Хлестаков, за кого его принимают, и как он ведет себя в присутствии чиновников?». Какой скукой и казенщиной веет от этих вопросов!

Неужели авторы полагают, что именно такими примитивными вопросами они и добьются от учащихся анализа, «который бы не подавался, а усваивал эмоционально-эстетическое восприятие».

Хорошее намерение авторов плохо согласуется с их советами и пожеланиями учителя.

Встреча в редакции. Разговор был интересным и полезным. Были затронуты вопросы совещания, состоявшегося на днях в редакции «Литературной газеты».

Из научных организаций и учебных заведений передо мной встала проблема, которую требуют срочного разрешения. Лучшая организация производства, комплексная механизация, широкое распространение передового опыта — вот некоторые из важнейших вопросов сегодняшнего дня в сельском хозяйстве.

И в их решении печать должна сыграть свою роль. Ученые рассказали о крупных успехах сельского хозяйства нашей страны за последние годы.

Сделано еще далеко не все, — подчеркнул в своих выступлениях Г. Г. Ионов, С. М. Ибрагимов, К. А. Охалкин, А. П. Терехов, А. А. Шихтер.

«В настоящее время существует много проблем, которые требуют срочного разрешения. Лучшая организация производства, комплексная механизация, широкое распространение передового опыта — вот некоторые из важнейших вопросов сегодняшнего дня в сельском хозяйстве.

И в их решении печать должна сыграть свою роль. Живое слово... Вот именно его-то и не хватает многим нашим статьям, в которых теоретические рассуждения даны в наукообразной форме, так что о непо-

за ее пределами, — на это указали художники А. Савицкий, В. Мотылевская, работник Каунасского художественного музея С. Лукошис, председатель совета Каунасского университета культуры А. Лукошиса и другие.

Читательские конференции в Вильнюсе и Каунасе проводили члены редколлегии Е. Сурков, ответственный секретарь редакции О. Прукаев, сотрудники редакции Э. Куртора, Э. Григорайтис; в литовской части конференции выступали литовские и московские поэты В. Мозурюнас, А. Балтакис, В. Реймерис, Э. Матузявичюс, А. Юиннас, В. Шумбайте, Г. Канович, Б. Окуджава и В. Берестов.

Конференция в Вильнюсе проходила под руководством председателя правления Союза писателей Литвы Э. Межаляйтиса. В ней приняли участие секретарь ЦК КП Литвы В. Нюнка, редактор республиканской газеты «Тiesa» Г. Зманас, председатель правления Союза журналистов Литвы И. Каросас.

В Каунасе на конференции председательствовал член президиума правления Союза писателей Литвы поэт В. Реймерис. В конференции приняли участие секретарь Каунасского горкома КП Литвы П. Мишутис, заведующий отделом агитации и пропаганды горкома А. Умбрасас.

Большее внимания изобразительному искусству, театру, драматургии, развитию культуры в нашей стране и

Вильнюс. (Наш корр.)

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

ПУТЬ В ПЕДАГОГИКУ

Это надо видеть и слышать. Представьте в зале гаснет свет, потом возникает музыка — первые стремительные аккорды григоровского фортепьянного концерта, и на освещенном экране появляются кадры: «Фортельянский концерт» (по рассказу К. Паустовского «Корзина с еловыми шишками»).

«Вдохновенное лицо Грига, его сильные руки музыканта на клавиатуре. Плещущее море, низкое серое небо, покрытое тучами. Суровая природа Норвегии, с такой поэтической силой воспеваемая композитором. Музыка словно бесконечно раздвигает рамки экрана, она сопровождает события, доказывает то, что стоит за ними. Вот Григ встречает маленькую Дагни, дочь лесника Хатгеруна Ледерсена. Композитор помогает девочке донести до дому тяжелую корзину с еловыми шишками. Вот беда, ему нечего ей подарить. Он не носит с собой ни кукол, ни лент, ни бархатных зайцев. Но он подарит ей одну интересную вещь, только не сейчас, а лет через десять».

Голос за кадром передает этот диалог, а потом мы видим Дагни всемигдальничкой девочкой, ее приезжает в Христианию и тот особенный день, когда Дагни с эстрады городского парка слышит свое имя — это ей, простой

девушке, дочери лесника, посвятил свое бессмертное сочинение прославленный композитор. Так вот что он ей подарил! Но только ли ей одной?

И снова плещется море, и ветер гонит тяжелые тучи. Дагни стоит на берегу — разве не об этой суровой красоте, не о людях, таких же, как она, что живут и трудятся на этой земле, написана эта удивительная музыка?

— Слышай, жизнь, — кричит Дагни ветру, — я люблю тебя.

Все это происходит не в кинотеатре, а в 56-й новосибирской школе, и главное — сделано не на киностудии, а здесь, в школе, самими ребятами. Да, все — сценарий, павильоны и натурные съемки (только не в Норвегии, а на берегу Обского моря), озвучивание, эскизы костюмов и декораций, грим.

Занятые кадры, показывающие самые драматические моменты киносказа, так выразительны, так назалось в фильме статичность совершенно не ощущается. Я уже несколько лет знаю этот «Диалог».

Его многоисленные секции: литературная, актерская, художественная, музыкальная, иностранных языков, радио и звукозаписи, фо-

СЛУШАЙ, ЖИЗНЬ...

то, историческая, хоровая, постановочная, столярная — охватывают сейчас около ста школьников. В этом необыкновенном ребячьем коллективе созданы яркие, незабываемые диафильмы: «Гудок» (по роману Н. Островского «Рожденные бурей»), «Навизнацкий пленник» (по поэме А. Пушкина, «Пусть светит» (по рассказу А. Гайдара), фильм — оперный спектакль «Евгений Онегин» (по постановке в Новосибирском оперном театре).

Давняя дружба существует у ребят и с Музеем Николая Островского в Москве, которому клуб подарил свой диафильм «Гудок», и Институтом художественного воспитания Академии педагогических наук.

Думаешь о том, как же ярко должен гореть огонь фантазии у педагога, сплотившего вокруг увлекательного дела большой коллектив ребят!

Луща и организатор клуба — Виктор Иванович Беспалов.

Наша первая встреча с ним произошла года два назад в маленькой школьной комнате, где помещается клубная «студия звукозаписи». Там шло прослушивание «Трех поросят», широко известных по забавному и веселому диснеевскому фильму.

Как мне объяснили ребята, этот небольшой фильм делается для самых маленьких на русском языке и для старших — на английском.

Только не думайте, что мы копируем Диснея, — сразу же предупредили меня. — У него свои трактовки...

Но вот прослушивание закончено. Звукооператор, он же «волк» в фильме, девятиклассник Игорь Овчинников, склонившись над магнитофоном, перематывает пленку. Девятиклассница Алла Перфилова, режиссер фильма, решительно заявляет:

— А вот здесь не то! Совсем не то! Теперь я это отчетливо поняла... Позже, когда мы с Виктором Ивановичем уже вышли из школы, он медленно произнес:

— Когда такое вот творческое беспокойство становится чертой характера, то ведь оно обязательно проявится в любом деле. Я уверен: кем бы Алла ни стала в будущем, она уже просто не сможет работать серо, ремесленно!

— Понимаете, — все больше и больше увлекаюсь, продолжал Вик-

тор Иванович, — то, что мы делаем, это, конечно, воспитание в трудовом коллективе, который решает сложные задачи. Но самая суть в том, что нам удалось найти такие конкретные формы (наш клуб), когда соединяются, связываются эстетическое, художественное воспитание с техническим, производственным. В этом все дело! Здесь то и выявляются склонности и пристрастия. А это очень важно — человек, знающий, что ему делать, чего добиваться, не растеряется в жизни, не пойдет после школы по торной дорожке...

Когда во время нашей недавней встречи я напомнил Виктору Ивановичу этот разговор, он ответил:

— Что ж, это так. Наши прошлые клубные активности чувствуют себя теперь уверенно, их не пугает самостоятельность, потому что они знают, что им делать. Многие ребята успешно трудятся на предприятиях. Наша Алла Перфилова — хорошая работница завода радиодеталей. Сейчас она занимается рисованием. А Игорь Овчинников готовится стать звукооператором.

Ну, а здесь, в клубе, как видите, теперь командуют другие...

Да, в клубе командуют другие, но с таким же огоньком в глазах, с той же воодушевленностью и неуспокоенностью, с теми же страстными поисками лучшего, совершенного, без которых не мыслимо всякое живое дело.

«Другие» — это не только ребята. Из учителей, работающих в клубе, возник педагогический кружок, куда вошли новые силы. Кружком руководит Виктор Иванович, и клуб стал для этих энтузиастов-педагогов полновесной творческой лабораторией, где бьет пылкая свежая мысль и ярко горит огонь смелой инициативы, настойчивых поисков лучших форм работы с ребятами.

Искать, добиваться. Идти новыми непознанными дорогами. Именно это тоньше всего характеризует и самого Виктора Ивановича Беспалова.

Не сразу пришел он к своим педагогическим идеям, не сразу сумел их осуществить, да и сам путь его в педагогику был нелегким путем исканий того единственного дела, которому должно отдаться целиком, без остатка.

«...Сначала работа на заводе и учеба в школе рабочей молодежи. Потом, после окончания школы, драматическая студия театра «Красный факел», увлечение Станиславским и мечты о режиссуре. И вот студия брошена — юноша отправляется в Москву поступать на режиссерский факультет Института кинематографии. Год учебы, и Виктор снова возвращается в Новосибирск. Нет, режиссером он не будет. Но эти годы не пропадут зря, полученные в студии и институте приютятся в другой области. Виктор становится студентом исторического факультета Новосибирского университета.

И только здесь, в институте, приходит первая уверенность: вот оно, живое, увлекательное дело по душе — на всю жизнь!

Дружба с 56-й школой, работа с ребятами начинается с организации драматического кружка. Но институт еще не закончен, времени в обрез, да и многое еще не по силам.

А дальше сельская школа, новые поиски и, наконец, аспирантура при ка-

федр педагогички Новосибирского педагогического института.

Об отставании педагогической науки от жизни происходило уже немало справедливых и горьких слов. Но ведь наука двигает вперед людей, которых надо воспитывать. Как воспитывать, кого, какой тип ученика-педагога?

Кабинетные зурдуют от педагогички или люди, подобные Виктору Ивановичу Беспалову, идущие в науку из самой гущи жизни, увлеченные решением самых острых, животрепещущих вопросов педагогической практики? Люди, которым принадлежит моральное право войти в здание, называемое педагогической наукой.

Многие «очевидцы» и участники хорошо помнят (хотя с тех пор прошло, например, года два-три) необычайный пионерский сбор в 54-й новосибирской школе, посвященный межпланетным путешествиям. Там было все: и ракета, построенная ребятами, и экипаж межпланетного корабля в костюмах астронавтов, и репортаж с Луны и Марса.

А когда «космическое пространство» снова превратилось в обыкновенный школьный зал, — рассказывает Сталь Анастольевич Шмаков, — ребята стали немного грустнее. Так бывает, когда закрываешь последнюю страницу любимой тебе книги. Но я знаю: то, что родилось в дни подготовки и сбора, не окончилось вместе с ним.

Нет, не забудутся прочитанные книги, не забудутся чудесные вечера, проведенные за постройкой ракеты! Недавно же последний репортаж из «космоса» заканчивался словами:

Если хочешь поехать на Марс, Думай, учись и готовься сейчас!

И, конечно же, самое дорогое было то, что ребята поняли, как тесно связаны мечта и наука, романтика и точные глубокие знания!

А ведь порой до обидного мало, — продолжает Сталь Анастольевич, — мы, педагоги, используем наши возможности воспитания у детей любознательности, активности, мало помогаем им увидеть яркое и прекрасное в самых обыкновенных делах... Не думайте, что я жалею. Просто очень хочется сделать больше!

Мне не раз приходилось слышать и читать о Шмакове. В Новосибирске хорошо знают и о целом городке имени К. Заслонова, построенном руками пионеров, и о Шмакове, и о «Снежной веселухе», созданной им в зимнем пионерском лагере, и о пионерском цирке (настоящем цирке!) «Арена смелых и умелых», об удивительных, увлекательных сборах и походах — да разве перечислить все!

Потребовалась бы целая книга, чтобы рассказать обо всех ребячьих делах, которые возникали вокруг Шмакова за десять лет его работы в пионерском движении.

Начало это еще до института, когда он впервые поехал в лагерь пионервожатых. И для многих его маленьких друзей, ставших теперь уже юношами

(Окончание на 2-й стр.)

Кадры из диафильма «Фортельянский концерт».

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

ИСТОРИЯ Великой Отечественной войны сравнима с гигантской, еще не обработанной глыбой гранита, из которой наши современники чеканят бессмертный образ победившего народа. Из глубины военных лет в наши 60-е годы идут и идут новые герои — живые и мертвые, подзабытые и совсем неизвестные, идут солдаты, подпольщики, партизаны, коммунисты, комсомольцы, пионеры.

Каждое новое героическое имя — событие в общественной жизни. Много откликов вызвала и опубликованная в «Литературной газете» 7 января 1960 года очерк М. Мельникова и Л. Ющенко «Это не легенда». Да, это не легенда, а была, подтвержденная недавно документально: 17 июля 1941 года в Белоруссии 19-летний русский солдат-артиллерист Николай Владимирович Сиротинкин один разрознен вражескую танковую колонну и был похоронен самими немцами, как герой, — с воинскими почестями, под траурной сапой.

Наши читатели единодушно поддерживают предложение «Литературной газеты» о присвоении Н. В. Сиротинкину звания Героя Советского Союза.

Г. КРУПНИКОВ, А. ДУДИН, В. ВЕЗДЕВ — рабочие шахты 33-Капитальная, гор. Кизел.
«Мы прочли в вашей газете о подвиге Николая Сиротинкина. Предлагаем поставить памятник на том месте, где сражался и погиб герой. Пусть каждый, кто пройдет и проедет мимо, вспомнит о русском богатыре!».

А. РЕВА (Казань):
«Присоединюсь к мысли о награждении Н. В. Сиротинкина Звездой Героя. Пусть в памяти наших людей навсегда сохранится образ этого замечательного человека».

Курсанты Рязанского военного училища:
«Мы, будущие офицеры, восхищены смелостью, решительностью, хладнокровием и отвагой героя и очень хотели бы узнать о его жизни подробнее. Может быть, живы его родители, товарищи, пусть они расскажут о его короткой, но замечательной жизни. Мы очень благодарны тем товарищам, которые помогли узнать имя героя».

Ученики Ардонской школы Северо-Осетинской АССР:
«Свой пионерский отряд мы назвали именем Николая Сиротинкина. Мы хотим больше узнать о нем и хотим стать такими же, как он».

Карим ДИНСКОЙ (Ташкент):
«Подвиг Николая Сиротинкина заслуживает того, чтобы о нем рассказывалось в школьных учебниках, чтобы на примере героя наша молодежь училась бесстрашно защищать Родину. Вот благодарнейшая тема для наших писателей! Разве писатель или кинорежиссер не увлечет эта творческая задача — создать книгу или фильм о русском солдате-герое, перед которым даже враги сняли шапки и преклонились. Книга о герою должна быть написана, это — долг литераторов, читатели этого ждут».

Капитан 3 ранга Н. КАЛИКИН (Краснознаменная Каспийская флотилия):
«Николаю Сиротинкину мало Золотой Звезды. Ему нужно поставить монумент, увековечивающий его бессмертное имя. Пусть грядущие поколения всегда помнят о тех, кто отдал жизнь во имя их счастья!».

Писем много. Некоторые читатели посылали Николаю Сиротинкину свои стихи. Бывший рабочий штаба артиллерии 20-й армии, драившей летом 1941 года под Оршей и Смоленском, И. БОРИСОВ (Воронеж) пишет, что еще в те первые дни войны они слышали о подвиге неизвестного солдата-артиллериста: «Мы этому верили, — таких случаев было много. Героизм наших бойцов и командиров был массовым. Теперь иногда приходится слышать (большая часть от людей несведущих), что Красная Армия будто бы начала давать настоящие отпор врагу только с декабря 1941 года. Приходится спорить и доказывать, что это неверно. Люди, которые так рассуждают, забывают о сотнях тысяч героев, сложивших голову за Родину в первые, самые тяжелые дни войны с фашистами. Николай Сиротинкин был одним из них».

Полковник запаса Д. ВАСИЛЬЕВ (Усть-Каменогорск), ветеран бывшей 137-й стрелковой Бобруйской дивизии, на позиции которой совершил свой подвиг Николай Сиротинкин, считает, что солдат совершенно достоин звания Героя Советского Союза. Д. Васильев называет и других героев 137-й дивизии, которые заслужили вечную благодарность и память потомков:

Интересные сведения сообщила «Литературной газете» учитель В. ВЕЧЕРСКИЙ из Киева. В заподничку Буковинской области (Брестская область) сохранилась могила двух неизвестных пограничников, оборонявших первые метры советской земли на рассвете 22 июня 1941 года. Из пулемета «Максим» они уничтожили около трехсот гитлеровцев, наступавших по так называемой Царской дороге от Беловежа к советской границе. Герои погибли. Немцы похоронили их с воинскими почестями и поставили на могиле изуродованный осколками пулемет «Максим», — он до сих пор стоит на холмике. Надпись на кирпичном столбике призывает прохожих обходить голову и почтить память двух пограничников. Но имена героев еще неизвестны.

И как тут не привести прекрасные строки Александра Твардовского:

Пусть той бой не упомянут
В списке славных золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

Да, память о героях должна жить! Инженер Е. Наумова (Ленинград) предлагает создать портретную галерею героев Великой Отечественной войны по образцу знаменитой «Галереи 1912 года» в Эрмитаже.

Артиллерийский Исторический музей в Ленинграде сообщил «Литературной газете», что подвиг Н. В. Сиротинкина найдет отражение в экспозиции музея.

Читатели спрашивают, жив ли родители героя. Сообщают, что они живут в городе Орле, улица Добролюбова, 32.

СЛУШАЙ, ЖИЗНЬ...

(Юночане. Начало на 1-й стр.)

и девушками, но по-прежнему забрасывающих его письмами. Стать Анатолевичу и сейчас остался тем же чутким и умным другом, веселым и бойким, неистощимым на выдумки, умеющим обычное, повседневное делать ярким, интересным и увлекательным. И, вероятно, так оно и есть — ведь в никогда не стареющей молодости души и заключается секрет обаяния педагога.

Впрочем, старость, стареющий — эти слова можно произнести только в шутку, когда речь идет о Шмакове. 32-летнем человеке, аспиранте кафедры педагогики.

Научный руководитель Шмакова, заведующий кафедрой педагогики, Юрий Владимирович Шаров назвал другое слово: зрелость.

— Именно сейчас, — говорит Шаров, — когда у Сталы Анатолевича отточена педагогическая техника, мастерство, когда он может подкрепить свои идеи любым экспериментом, для него пришло время обобщить и глубоко осмыслить то, что он делал и делает.

В нашей педагогике немало говорится о значении пионерского движения, о важности пионерской работы. Но ведь, по существу, активного, конкретного вхождения научной педагогической мысли в пионерскую жизнь еще не произошло. И, думается, вклад Шмакова в эту область будет и существенным, и полезным.

Помощь. Юрий Владимирович убежденно произносит:

— Уверен, что не ошибаюсь. И не только в Шмакове и Беспалов, и Горюхина скажут свое слово в науке. Обязательно скажут!

О своей работе в далеком сибирском селе Закозьяно, об организации в сельской школе «Клуба любителей искусства» и «Третьей тени», о связи с многими выдающимися советскими деятелями искусства и о поездке в сибирские школы в Москву Эльвира Николаевна Горюхина увлекательно рассказывает в книге «Эстетическое воспитание школьников».

— Не нужно искать в этой книге, — говорит Шаров, — эпохальных открытий. Важно другое: наблюдательность, свой материал, свои мысли, наблюдения и выводы, рекомендации, безусловно полезные учителю-практику. И, конечно же, это — свежее, яркое слово молодого педагога, серьезная заявка на интересную и самостоятельную научную работу.

ЧТО ТАКОЕ ДИССЕРТАЦИЯ

Итак, три аспиранта кафедр педагогики Новосибирского пединститута.

Самая молодая из них — решительная, порой дерзкая, когда речь идет об отстаивании своих идей с неистребимым темпераментом общественной деятельности, для которой «все нужно» и «до всего есть дело». — Эльвира Горюхина. Дочь учительницы, воспитанная в величайшем уважении к этой профессии, она еще со школьной скамьи определила свой путь.

А рядом с ней — Виктор Беспалов, удивительно скромный, даже застенчивый, внешне очень сдержанный, мягкий, с обилием книжкина за которым сразу и не распознаешь человека, беспощадного к себе, страстно искавшего свое место в жизни, «в рабочем строю».

И как не похож на него третий аспирант — Стала Шмаков, энергичный, подвижный, умеющий заечь ребят яркой и смелой фантазией, пришедший в педагогику свое поэтическое видение мира, комсомольский задор и романтику горячих, живых, всегда новых дел.

Разные по возрасту, жизненному опыту, характерам, путем-дорогам, привели их на кафедру, в чем-то очень существенно они схожи между собой. Прежде всего, конечно, это страстная увлеченность своим делом. Но ведь и этого одного мало, чтобы сказать новое слово в науке. Труднолюбие? Талантливость? Да, бесспорно. Но важно еще и другое: багаж, пусть пока еще не такой и весомый, но обязательно свой, вывешенный из жизни, выношенный и выстраданный.

Вот это-то и дает право на науку, на тему для диссертации. Это-то, вероятно, и есть то главное, с чего начинается воспитание будущих ученых.

Педагогика — наука общественная. Она не терпит застоя, она имеет смысл, обретает свою «душу живую» лишь в тесном единении с жизнью. Педагогика становится активной силой, если пропитана светом и воздухом своего времени.

Великие педагоги прошлого были великими мечтателями, но кому из них удалось в полной мере осуществить свои замыслы? Это дано советской педагогике, возникшей как педагогика революционного действия, духовными

отцами которой были и есть Маркс и Ленин.

Вспомним великолепные слова самого Макаренко, который так глубоко чувствовал счастье творца нового человека.

«Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждений! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!».

Педагогические идеи Макаренко рождены советской действительностью, они возникли из практики воспитания. Теория и практика у Макаренко шли вместе, помогая, поддерживая друг друга. Почему же сейчас многие молодые люди склоняются над своими диссертациями, не имея за душой своих идей, не зная глубоко жизни? Почему, для того чтобы взяться за диссертацию, достаточно определить «педагогическую цель», почерпнуть из книг или подкачанную научным руководителем, и поставить соответствующий эксперимент? А уж коль скоро это сделано, останется, как говорится, дело техники.

Диссертант добросовестно и малознакомително описывает на сотнях страничек свой эксперимент (и чем запуганней, изощренней, тем лучше), слагает свои странички «научным аппаратом» и готовится (к счастью, иногда неуспешно) стать кандидатом педагогических наук.

И ведь вот что получается: уже изданные книги, написанные людьми, доказавшими на практике плодотворность своих педагогических идей, — для диссертации не годятся! Виктор Иванович Беспалов — автор интересной книги «Школьный дидактический», проникнутой свежими мыслями и богатейшим экспериментальным материалом, собранным за годы его целеустремленной творческой работы, никак не может довести свою диссертацию. Уже не потому ли, что его живой, яркий материал не уместится в «научную» диссертационную схему? И не по той ли причине мучается со своей диссертацией Э. Горюхина — автор увлекательной педагогической книги «Эстетическое воспитание школьников»?

Не правдивее ли будет, если для зачета диссертации представлять работы, содержащие живой опыт?

Не пора ли пошире распахнуть двери в педагогическую науку людям самобытным, талантливым, мыслящим практикам и закрыть их для тех, кто несет с собой мертвые, надуманные схемы, далекие от жизни?

Пока писалась эта статья, вышло в свет радующее всех постановление «О мерах улучшения качества диссертационных работ и порядке присуждения ученых степеней и званий». Радостное тем, что оно как бы вообрало в себя мысли тысяч и тысяч людей.

Но, разумеется, сами собой не оторвутся отравленные от жизни диссертации! Борьба с ними предстоит упорная. Пусть в педагогическую науку — не простой путь. Он пролетает через жизнь.

Земные нужды небесной науки

В ВЕК спутников и космических ракет не нужно много говорить о значении одной из древнейших наук — астрономии. Сегодня это и одна из самых современных наук. Командир межпланетного корабля будет, вероятно, волевой и всесторонне образованный инженер. Но в штурманом космических полетов окажется, конечно же, специалист по небесной механике, человек, глубоко изучивший пути метеорных потоков и комет, владеющий последними данными об ультрафиолетовом излучении Солнца и атмосферах еще не посещенных планет.

Нередко с этим нельзя забывать и о «старых», но по-прежнему актуальных задачах астрономии. Точное время, календарь, морская и воздушная навигация, геодезические и гравиметрические съемки, уже давно составив предмет занятий астрономии, и ныне отнюдь не вышли из поля зрения представителей нашей науки.

С тысячекратным расширением знаний о Вселенной продолжает расти также общепознавательная и мировоззренческая роль астрономии.

Колоссальное значение астрономии требует, чтобы мы вновь и вновь проверяли весь фронт нашего астрономического наступления на природу, постоянно заботились о наилучшем состоянии всех частей советской астрономической науки.

Именно в свете всех этих мыслей хотелось бы привлечь внимание к некоторым вопросам развития астрономии в наших университетах. Известно, что астрономия развивается у нас в двух системах учреждений: как астрономия академическая (в составе Академии наук СССР и академий союзных республик) и «астрономия университетская».

И надо сказать, многие победы университетских ученых Советского Союза одержаны на переднем крае современной астрономии. Мы имеем в виду, например, тончайшие наблюдения для международного каталога слабых звезд (в значительной степени осуществленного у нас в стране), единственные в мире по продолжительности и точности наблюдения вращения Луны, успехи в изучении физических свойств поверхности Марса, разработку метода искусственной

нариевой кометы, позволившего фотографировать вторую советскую космическую ракету с расстояния почти в 150 тысяч километров.

Но посмотрим, как обстоит дело с оборудованием университетских обсерваторий. Здесь напрашиваются некоторые сопоставления.

Не говоря уже о крупнейших Пулковской и Крымской обсерваториях, возьмем какую-либо среднюю академическую обсерваторию, например Абастуманскую астрофизическую обсерваторию Академии наук Грузии. В качестве самого «старого» в этой обсерватории имеется телескоп, приобретенный в 1930 году. Самый новый ее инструмент — менковский телескоп Макустова — установлен совсем недавно — в 1955—1956 годах. Он является крупнейшим в мире инструментом своего типа и самым совершенным по своей автоматизации и насыщенности электронной.

Как сожалению, вовсе не так обстоит положение в наших университетских обсерваториях. Многие инструменты в этих научных учреждениях несут свою верную службу еще с конца прошлого столетия, а отдельные приборы находятся в работе больше ста лет! Что бы вы сказали, увидев на железнодорожном пути поезд, который тянет степенсоновская «ракета» или паровозная «девятка»? Е. и М. Черепановы! Наверно, подумали бы, что идет съемка исторического фильма. Между тем меридианные круги, младшие современники «ракет» и паровозного двигателя, работают еще в наши дни на для астрономии. Конечно, за это время приборы внесли много численные усовершенствования, но пока что одна только московская обсерватория устроила у себя вполне современный меридианный круг образца 1955 года.

Необходимо, чтобы университетские обсерватории возможно скорее получили в достаточном количестве, быть может, не самые

большие, но вполне современные астрономические инструменты, насыщенные электронной и автоматической.

Сейчас семсот студентов-первокурсников физического и механико-математического факультетов Московского университета больше не слушают энциклопедический курс астрономии. Вспомним, что крупнейшие наши ученые прошлого, и среди них Лобачевский и Чебышев, Лебедев, Жукковский и Чаплыгин, как и большинство ныне здравствующих физиков, механиков, математиков старшего поколения, с любовью изучали астрономию в студенческие годы. Нам представляется, что и в наши дни нельзя выпустить вполне образованных физиков, математиков, механиков, не зная их в высшей школе с последним словом современной астрономии. Можно надеяться, что другие университеты не захотят следовать за Московским университетом в таком отношении к астрономии. А сам Московский университет вернется на традиционный для всех университетов мира путь преподавания астрономии для всех студентов физико-математического профиля.

Необоснованным представляется и деление ученых-астрономов на два сорта — по признаку места их работы: высший — в академиях наук и на кафедрах университетов и низший — в университетских обсерваториях. Неправильно выплачивать ставки при той же научной степени и звании и за ту же научную работу вторым в два-три раза ниже, чем первым. Это странное положение существует уже тринадцать лет, касается оно, в сущности, небольшой по численности группы учеников и легко может быть исправлено.

Нельзя сказать, что в жизни университетской астрономии за последние годы не было положительных перемен. И все же остается совершенно необходимым, чтобы Министерство высшего и среднего специального образования решило этот вопрос.

Члены-корреспонденты Академии наук СССР Д. МАКУСТОВ, А. А. МИХАЙЛОВ, Э. Р. МУСЬЕВ, В. В. СОБОЛЕВ, М. Ф. СУББОТИН, профессор Д. В. МАРТИНОВ, директор Государственного астрономического института имени Штернберга.

«ЭТО НЕ ЛЕГЕНДА»

НЕ рискуя властью в идеализм, я утверждаю, что на свете есть вещи непознаваемые. Конечно, мы с точностью до секунды определили расписание солнечных затмений на несколько столетий вперед. Мы разгадали суть хитроумного строения вещества. Мы имеем представление о растительности Марса, и нам осталось нарвать букет марсианских тюльпанов и поставить их на обеденный стол...

Более того. Мы уже научились примерно предсказывать, какую модель костюма будут выпускать пошивочные фабрики отныне и присно и во веки веков. Мы уже более или менее точно знаем, на какой период и в какое время года закрывается химчистка. Мы уже подобрались к загадке таинственной причины, по которой бытовые автоматы требуют удвоенного штата обслуживающего персонала...

Одним словом, мы почти уже доказали познаваемость мира.

Но все-таки ни один ученый не определит даже отдаленно-приблизительно, где, когда, по какому случаю и под каким кустом вырастет деятель, именуемый нежным словом дурак, ком так универсально пользуются люди.

С великим научным энтузиазмом ученые установили, что, если мы пошлем радиограмму на Альфу Центавра (есть такая звезда на небе). Ответ придет через определенное количество лет. Нет основания сомневаться в правоте ученых.

Но вдруг на этой самой Альфе, под кустом той самой телеграфной контрольной, куда придет первая земная радиограмма, уже вырос и дожидается деятель указанного типа? Ну, получим он радиограмму, а дальше?

Вопрепят, у него может не оказаться соответствующего указания Центавра, как поступающего в данном случае. Во-вторых, инструкция, может быть, запрещает ему отвечать на неоплаченные отправления за казенный счет. В-третьих, он может просто отписаться — отыдьте, мол, откуда изощрились...

И все научные гипотезы полетят прахом. На Земле передерутся академики, а скептики торжествующе завопят:

— Ну что?! Съели?! Мы же вам говорили, что никакой Альфы нету! А все это может произойти только потому, что научно предвидеть дурака совершенно невозможно.

И ученые робко поглядывают на фельдтонистов с тайной надеждой: а не включатся ли они, фельдтонисты, в тяжелый, но благородный процесс познания действительности?

Дурак юридически — это дееспособное лицо, не способное думать по-человечески. Дилетанты утверждают, что это лицо не хочет думать только самостоятельно. Они заблуждаются, поскольку думать несамостоятельно это лицо тоже не хочет. Дурак бывает ленивый, ретивый, восторженный, унылый, ученый, невежественный...

Но каким бы он ни был, все ужас заключается в том, что он дееспособен, то есть способен на то, что угодно, кроме полезной деятельности...

А теперь — серьезно. Я с глубоким вниманием и с особой гражданской гордостью читаю правительственные постановления. Каждое слово их направлено на пользу людям. Каждая мысль предусматривает и рост благосостояния, и увеличение богатств страны, и неуклонное повышение уровня нашей жизни.

Миллионы наших людей видят в этих решениях не только программу действий, но только почув для энтузиазма, но и огромное поле для инициативы.

Миллионы, десятки миллионов советских людей думают, как бы сделать быстрее, лучше, крепче, культурней то дело, которым занимается каждый из них. Думают. И результаты налицо.

Но в семье не без урода. И моя горестная обязанность — писать об этих исключениях. Чтобы их не было вовсе. Чтобы, выявленные, они не мешали нашей жизни.

Мне рассказали поучительную историю о том, как колхозники одного колхоза отказались от своих прусадельных участков в пользу родной артели. Отказались они вечером, а утром на их бывших участках уже стоял топор. Дело в том, что непредусмотрительные колхозники, по простоте душевной, лет десять назад взяли и посадили на своих участках сады.

Думаю надо!

С садами надо было как-то поступить. Но у топора имеется только обух, чтобы сидеть на топориче, и лезвие, чтобы исполнять свои служебные обязанности. И топор поступил согласно своему высокому назначению. Вообще-то это божественно, самоотверженное нежелание думать заставляет нас разводить руками в самых неожиданных местах.

В одном крупном автохозяйстве из огромной массы железобетона построили фортецию. Ее соорудили лучшие средневековые мастера, перешагившие в наше время. Никакой Чингисхан уже не страшен этой фортеции, никакой Тамерлан не сокрушит твердны и не поведет ни одного грузовика. Поврежденный грузовик может только дождь. И уже вредит. И даже уже повредил, поскольку стоит они под открытым небом. Все это произошло потому, что по распоряжению какого-то Центавра железобетон был отпущен конкретно на строительство забора. Забор строили самодеятельно, выгоняя его вперед и выше. Забор получился на славу. За него уже можно выдавать премию. А грузовики уже можно списывать. Вероятно, никому не пришло в голову, что из железобетона, даже если он отпущен на забор, можно построить крышу...

В одном городе стоит разрушенный во время войны театр. Когда-то его построили с колоннами. В наши дни колонны признают архитектурным излишеством. Как быть? Восстанавливать колонны или разрушить? Восстановление колонн стоит миллион. Разрушение колонн стоит два миллиона. Восстановить — попадешь в отставку, разрушить — попадешь в расстратки. Налезо пойдешь — выговор обречешь, направо пойдешь — не отчитаться. Крутом обойдешь — задумайся: вот прокатный предмет! Лучшее б его и вовсе не было. А он все пор стоит. И растут вокруг него кусты. А под кустами растут мнения.

А под кустами растут мнения. По линии обнаружения дурака нам сделано чрезвычайно мало. Это нужно признать со всей ответственностью.

Один несчастный человек заболел бессионией. То ли он перучился, то ли на ночь книг не читал. Во всяком случае, он слег, и его прописали снотворное. Конечно, оно не помогло. И вдруг человек уснул без всякого лекарства. Но спал он хотя и сладко, да недолго. Его разбудили. Его разбудили так решительно, как только можно разбудить человека, чье присутствие оказалось до разреза необходимым при решении острой проблемы. Его разбудили так, что он, представьте себе, проснулся. И в этот миг в его пробуждающемся сознании мелькнула мысль:

— Наконец-то! Сейчас я открою глаза и обнаружу дурака! Перед ним сидела ласковая медсестричка и заболтливо повторяла:

— Больной, проснитесь! Больной, проснитесь! Вам надо принять снотворное...

Она выполняла предписание врача, который взял на себя торжественное обязательство лечить больных лекарствами.

В одной столовой взяли обязательство озеленить приемные залы. На каждый стол поставили пальму. И есть стало негде...

Конечно, у каждой Альфы есть свой Центавр. Но не было еще такого Центавра, который предписал бы Альфе линию поведения на весь третий квартал двадцатого века. И в этом заключается жизненное прогнорозное.

Я заманчиво этот фельетон в рубрике надежде на то, что не только ученые и фельдтонисты займутся поисками этого самого деятеля.

Говорят, нельзя стать умным. Я в этом не уверен. Зато я уверен, что дураком можно стать с ходу, по собственному желанию и даже в определенные часы. Как подтверждают наблюдения, дурак — не такой уж дурак, за который ему не идет зарплата.

Он не думает только в служебные часы. Так вот, мне бы хотелось, чтобы этот фельетон был прочитан тогда, когда и писался — после работы, когда наступает великий процесс самопознания...

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Педагогическая Советь Калининской Губернии, уважая отличные успехи, оказанные в выполнении программы воспитательных III класса Ульяны Владимировны ИУЖАКОВОЙ, что славь похвальным листом. Сдана в 1960 г. 11 мая 1960 г.

Эти снимки сделаны в Центральном музее В. И. Ленина, у стендов, где выставлены вещи, которыми пользовался Ильич в Разлине летом 1917 года, и «Похвальный лист» Володи Ульянова. Но это не просто молчаливые реликвии. Нам много говорит нам наводя на них! Тот, кому они принадлежали, вечно живет в сердцах людей, и об этом красноречиво рассказывают лица посетителей музея.

Фоторепортаж М. Трахмана

О книге академика В. В. Виноградова

НЕ БУДУЧИ ученым филологом, я не претендую на научный отзыв о фундаментальном труде академика В. Виноградова. Значение этого труда, однако, выходит за рамки академического исследования. По моему суждению, книга должна быть прочтена не только в филологической науке. Можно, думаю, и предвидеть активную роль, которую предостит сыграть книге В. Виноградова в разработке проблем, волнующих сегодня наших художников слова и еще не разрешенных, дискуссионных советскими теоретиками литературы, критиками, литературоведами.

Бесспорно, важнейшей задачей нашей художественной литературы является необходимость повысить ее эстетическую, эстетическую ценность. Писатели должны быть вооружены глубокими познаниями в области общенаучного языка, речевой культуры своего народа, истории общелитературного языка и языка художественной литературы. Богатство материала, стройность его подачи, концепция исследования в целом, логика, убедительность доказываемых отдельных положений — все эти и другие достоинства книги В. Виноградова надежно послужат такому вооружению советских писателей.

Язык — решающая энергия искусства писателя. Это не просто сложившаяся данность, это — живое движение из прошлого и настоящего в будущее. Книга В. Виноградова, вобравшая в себя множество фактов из жизни художественного слова, представляет собою образец исторического подхода к явлениям литературного языка и проясняет мыслью о том, что язык художественного произведения «не может далеко и значительно отступать от основы общенародного языка».

Семь разделов книги живут каждый самостоятельно, как частные проблемы. Но, сложенные вместе, они составляют целостную большую тему или предмет, по словам автора, еще не вполне самоопределившейся «особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, но вместе с тем отличной от того и другого». Обширность и тонкая разработкой многосторонних разветвлений своего исследования языка художественной литературы В. Виноградов привлекает заинтересованное внимание писателя. И если бы меня спросили, какой именно раздел книги особенно поучителен для прозаика, поэта, критика, я затруднился бы ответить, потому что и там, где автор касается проблем языкознания, и там, где ставит вопросы литературоведения, неизбежно затрагивая другие отрасли филологии, он обогащает писателя ценнейшими наблюдениями и побуждает его подвергнуть аналитическому рассмотрению художественный опыт современной советской литературы, прежде всего в отношении ее мастерства.

В широком смысле книга В. Виноградова может быть обозначена как введение в науку о стилях художественной литературы. Выводы, сделанные автором из критического рассмотрения ученых работ о поэтическом языке и по стилистике художественной литературы, а также вопросы, ожидающие дальнейшего изучения и выводов в этих областях филологии, говорят о том, что для признания своего рода «самостоятельности» за наукой о языке художественной литературы настало время. Если эта точка зрения, за которую выступает В. Виноградов, может оспариваться в среде филологов, то такой спор нисколько не мог бы смутить писателя как раз потому, что книга, посвященная специально проблемам художественного языка, окружена и наполнена вопросами едва ли не всех прочих словесных наук.

Это и делает книгу столь близкой интересам писателя, столь важной

для художественной практики современной советской литературы. Чтобы назвать в кратчайшем перечислении, притом в самом малом количестве, вопросы, рассмотренные автором и прямо относящиеся к живому делу современного писателя, к его повседневному труду над рукописью, к его размышлениям о слове, можно остановиться хотя бы только на одном разделе книги — «Язык художественного произведения».

Тема языка художественного произведения В. Виноградов отводит большое место, привлекая обширный материал из сочинений русских писателей с XVIII века до советского периода включительно, а по жанрам — из поэзии, прозы, драматургии.

На мой взгляд, этот раздел глубоко обоснованно начат с критики субъективизма стилистических вкусов при изучении художественного произведения. Вполне справедливо автор считает, что для оценки произведения нельзя опираться только на одну категорию понятия индивидуального стиля художника. «В голосе великого художника часто слышится голос всего народа», — пишет В. Виноградов. Каждое произведение «...занимает определенное место в контексте современной ему литературы», — говорит он далее, почему оно «...может и должно изучаться с одной стороны, как процесс воплощения и становления идейно-творческого замысла автора и с другой — как конкретно-исторический факт, как закономерное звено в общем развитии словесно-художественного искусства народа».

Среди требований, предъявляемых В. Виноградовым к изучающему язык произведения, он считает наиболее важным глубокое понимание общественной жизни соответствующего периода развития народа, знание культуры, литературы и искусства эпохи. Это не означает, разумеется, что индивидуальное словесно-художественное мастерство писателя может быть оторвано от объекта изучения, на задний план, нет, но мастерство должно изучаться не изолированно, а в его связях с современным состоянием языка литературы и не менее — в его отношении к разговорно-бытовому языку народа.

Историзм, как критерий, применяемый в работе над оценкой стиля произведения, — вот существо задачи, стоящей перед ученым, когда он судит конкретное явление литературы любой прошлой или настоящей эпохи.

В советской литературе проблема традиций и новаторства с давних пор признавалась одной из центральных. Тем не менее у нас еще нет такого труда, который обобщенно представил бы читателю состояние, например, нашей художественной прозы — пойдя ли речь о закономерности проживания на ее страницах той или другой традиции литературного языка или о процессе обогащения новыми словесными формами. Ведь стили прозы часто обнаруживают отсутствие иммунитета от болезней, возникающих из почтенной традиции, простирающейся до любви к явным анахронизмам. Обилие в прозе устаревших слов, далеких от живой народной речи, в духе «чалый», «свершений», «деяний» и т. п., которые едва ли отыщутся не только у Чехова, но и у Тургенева, и за которыми надо отправляться в донарацизмские риторические времена, — такое обильное и безразборчивое применение «традиций» скорее говорит о влиянии на нашу прозу репортажных штампов, нежели о связи писателя с современной нам жизнью общенародной русской речи.

Исторический подход при изучении языковых фактов литературы может и должен иметь целенаправленное действие на болевые языковые точки. И я убежден, что книга В. Виноградова ускорит появление других работ, обильно и глубоко рассуждающих нам, что, собственно, произошло в стилистике русской советской художественной литературы за сорок с лишним

лет ее истории. — насколько мы полны к ней в искусстве слова вперед и как мы иногда плетемся, без малейшей нужды, за рубежи конца XVIII века. Мы ведь и от самих прозаиков, от времени до времени, слышим настоящие призывы «обогащать» язык с помощью связывающих, за счет омертвевшей фразеологии, чаще всего годной для реставрации «высоких стилей».

Советской филологической науке предстоит великий истинный и организующий труд, чтобы помочь художественной литературе успешно исполнить ту культурно-образовательную роль, которая ей принадлежит. О такой роли В. Виноградов говорит чрезвычайно убедительно в том же разделе книги.

Надо особо отметить широту рассмотрения автором каждой проблемы, которой он касается. Он не предает анафеме какой-нибудь определенный стиль, да это и невозможно при конкретно-историческом изучении литературных явлений. Он отыскивает степень правоты каждого стилистического явления как в живом языке, так и в литературе. В частности, он превосходно анализирует целенаправленность сочетаний, взаимодействия разнообразных стилей в одной и той же структуре художественного произведения. И он справедливо утверждает, что «столкновения и смещения разных языковых стилей» могут расширить систему национально-литературного языка. Разностильность внутри художественного единства (например, одного романа) допустима, если она преследует, скажем, характерологические задачи и, разумеется, если она не наносит ущерба единству всего произведения.

Все это, с моей точки зрения, предупреждает нас в том смысле, что борьба с анахронизмами ничего не имеет общего с формальным изгнанием из общенационального языка того или иного слова или словосочетания, будь они и литературно устаревшими. Дело не в лексическом изгнании, а в употреблении слова «чалый» или любой иной черновольно-славянской, в том, что стилистика советской, художественной литературы не может не пострадать хотя бы от частичной реставрации элементов отжившего стиля в то время, как общенародный язык развивается по законам своей органичной связи с развитием общества.

Раздел «Язык художественного произведения» в книге В. Виноградова затрагивает широкий ряд вопросов, в конечном счете служащих разрешению проблемы традиции и новаторства в

стилистике художественной литературы. Главным в постановке этих вопросов я считаю то, что она в корне отличается от ограниченной, узкой разработки проблемы стилистики в стилистической школе. Изучение языка писателя-художника В. Виноградов не отрывает от вопроса взаимоотношений стилистического произведения с общелитературным и общенациональным языком. Примеры сопоставлений и соответствий, которые при этом даются, в большинстве ярки, остроумны и сами собой представляют увлекательное чтение, что тоже нельзя не отнести к достоинствам книги.

Вот некоторые, иногда наиболее существенные вопросы, затронутые в этом разделе книги: о риторических штампах; о способах использования литературных средств разговорного и литературного языка в целях социальной характеристики персонажей произведения; то есть о социально-речевом стиле; о языке журналистики, газеты, беллетристики; о речевых новшествах и новообразованиях в языке; о синтаксических конструкциях и смысловом движении речи; об авторе-художнике и о герое произведения и т. д.

Только беглое перечисление этих частных вопросов исследования показывает, насколько «плотно» уложен материал исключительно богатого содержания одного раздела книги В. Виноградова. Исчерпать всю тему раздела в короткой заметке невозможно. Но другие стили разделов, трагические не менее важные, хотя иногда и очень специфические вопросы (например, чрезвычайно интересный и блестяще иллюстрированный вопрос текстологии на примере подложного текста окончания пушкинской «Русалки» и на других примерах в разделе «Проблема авторства и правильности текста литературного произведения»), вносят в книгу так много актуальных идей, насыщают ее таким числом познавательных и драгоценимых документов из жизни русского художественного слова, что по-настоящему оценить все исследование как с научной, так и с общественной стороны можно лишь в обширной журнальной статье. Это будет, несомненно, сделано, и не раз, потому что появление труда В. Виноградова — большое событие в советской филологии, обещающее, как я уже сказал, найти отклик в жизни всей нашей литературы.

Одной заметкой тут не ограничиваясь. И если в ней выразилось только отдаленное чувство удовлетворения, что такое исследование появилось, если к тому же я мог своей оценкой книги высказать признательность В. Виноградову за его труд многих художественных, исполненных любви и преданности к своему слову, то остается пожелать, чтобы эти строки были соизвещены более основательным отзывом, который будет ожидать и ученый, и писатель.

ПАМЯТНИК НАТАВАН

На одной из центральных площадей Баку установлена памятник выдающейся азербайджанской поэтессе XIX века Натаван. На митинге, посвященном открытию памятника, выступил первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Мехти Гусейн. — Имя Натаван известно каждому азербайджанцу, — сказал он. — Знаменательно, что памятник поэтессе открылся в канун славного праздника — сорокалетия Советского Азербайджана. Сорок лет назад осуществилась мечта Натаван о свободе и равноправии женщины-азербайджанки.

Автор памятника — скульптор О. Зайдаров. Бронзовая фигура Натаван установлена на постаменте из полированного серого гранита.

На снимке: у памятника Натаван. (Наш корресп.) Фото С. Кулишова

Заклученный № 24073

КОНЕЧНО, они могли его уничтожить, — сказал он Гиммлеру. Двенадцать лет Буланже провел в концлагерях Дахау, Бухенвальда, Маутхаузена, сам названия которых стали олицетворением фашистского извержения. Шесть лет в бункере: «Два метра в длину, метр двадцать в ширину... Серые стены, цементный пол — настоящий гроб».

Нет слов в человеческом языке, чтобы передать ужас, пережитый заключенными концлагерей. Где взять силы, чтобы выдержать все это? «Надо верить в свое дело и обладать мужеством», — отвечает Буланже.

Записанная немцами писателем Михаэлем Чесно-Хеллем история заключенного № 24073 — это повесть о безграничной стойкости, о беспредельном мужестве, на которые способен лишь человек, одержимый великой, благородной идеей. Это повесть о воле и борьбе, не поддающейся настоятельному коммунизму ни при каких обстоятельствах.

Таки был Юлиус Фучик. Таки же неслыханными были коммунисты-бойцы французского Сопротивления, чьи последние — написанные перед казнью — эссе составили потрясающую книгу. Это героический характер возник в России, в огне революционных битв:

Пятиконечные звезды выжигали на наших спинах ланские воеводы. Живьем, по голову в землю, закапывали нас банды Мамонтова. В паровозных топках сигналил нас японцем, рот заливали свинцом и оловом. Отрекитесь! — ревели, но из горящих глоток лишь три слова: — Да здравствует коммунизм!

Все они — русские и французы, немцы и чехи — люди одного склада, одного характера. Их закалила борьба за торжество во всем мире самого благородного, самого прекрасного дела — коммунизма. Борцами они остались и в лагерях уничтожения, в гестаповских застенках — не смирились, не покорились. И хотя говорили они на разных языках, не было союза крепче и прочнее. Интернациональная дружба, восхищение, которое вызывал даже у этих все вышедших людей героизм советских воинов-пленных; упрямые вера и надежда, обращенные к нашей армии. В основе всего этого — чувство пролетарской, коммунистической солидарности. И, быть может, в жутком мраке концлагерей свет этого всепобеждающего чувства особенно ярок и прекрасен.

Нельзя не услышать в книге «Цифры на сердце» и призыва к бдительности. Рассказывая о злодеяниях нацистов, она напоминает о тех западногерманских деятелях, которые не прочь все это повторить — эссовские мундир и лагеря уничтожения, соглашение в Мюнхене и Бабий Яр. Но главное все-таки не в этом. Мы хотим горячо рекомендовать читателю повесть о заключенном № 24073 прежде всего потому, что «Цифры на сердце» — одна из тех книг, которые учат, каким должен быть коммунист, как, освещенный немеркнущим светом пролетарского интернационализма.

Я. Буланже, М. Чесно-Хелль. «Цифры на сердце». Перевод с немецкого Н. Карзиневой. Издательство иностранной литературы, М., 1955.

Л. ЛАЗАРЕВ

Ответственность перед будущим

Инна СОЛОВЬЕВА

Мы знаем, как существенны эренбургские повторения. Прислушаемся к ним, перечитывая его дорожные очерки. Это не только мотив людской общности, мотив объединенного сознания человеческой культуры. Это и мотив исторической ответственности. Это пафос понимания: в писателе живет отвращение к невежеству — питательной среде ненависти, нетерпимости, национального высокомерия. Это повторяющийся вопрос о месте искусства в жизни (шире того — о месте красоты): «...для красоты теперь время трудное. Человек торопится, он не успевает посадить, подумат, полюбоваться деревом у реки, прекрасным лицом, картиной. А все это человеку необходимо, как воздух или вода». Это размышление — Эренбург возвращается к нему с особой тревожностью — о несинхронности развития материального и духовного производства: буржуазная цивилизация идет чересчур свежими примерами опустошения душ при расцвете техники.

Мотив этот прослушивается с первых слов очерков. «С той высоты, которую набирает четырехмоторный самолет, мир геометричен и на редкость однообразен. Даже города не оживляют его: это стандартные игрушки-кубики. Трудно себе представить, что в Африке — Акрополь... Остановки не меняют картины. Аэродром Найра мало чем отличается от аэродрома Рио-де-Жанейро. Повсюду пассажиры проносятся в тот же просторный и неживой простор, ворчат, и повсюду путешественники закулачат псевдонациональные сувениры».

Эренбург говорит о «бесчеловечности» скоростных перелетов. «Стюардесса принесла кофе, а когда ты выпил чашечку, Греция уже позади. По правде сказать, обидно, что можно пролететь над Акрополем, даже не задумавшись». Смешно слышать в этой фразе выпад против современной техники. Речь об ином: о том, что человек не должен терять привычку задумываться, причем задумываться над тем, что не составляет вообще предмета его житейских надобностей.

В очерках Эренбурга есть ощущение тревоги, есть и доверчивость к человеку. Он воочию видит натиск того, что принято называть «американским образом жизни»: натиск утилитаризма, механицизма слов и чувств, корыстной сообразности. Этот натиск сопровождается нападением на первооснову национальной культуры: остается место лишь для ларька в тех же неумолимых аэропортах, где можно приобрести негритянского бойка из Дакоты или какой-нибудь этанкий ларчик. Но национальная культура — это не торговля местной экзотикой, не острая приправа вроде индийского соуса керри, которым любят побаловаться англичане после добройвранной овсянки.

Рассказывая об Индии, Эренбург рад заметить те черты народного характера, которые складывались веками и которые практически нестрапае; эстетическую воспитанность простого люда, ту естественность и немудреную свежесть, с какими входит в быт художественные сокровища древней страны, доброту и терпимость, нравственную содержательность жизни индийского крестьянина или ткача.

Писатель говорит о высоте внутренней культуры обитателей Индии, даже неграмотных. «Часто можно увидеть человека, который сидит на корточках и о чем-то думает. Это не иллюзия; индийцы действительно любят думать; разговаривая с человеком, видишь, что его мысли не ограничены личными делами, ему свойственно желание многое понять. К индийской философии народ относится с уважением, а суеверия дельцов, перенявших западные повадки, здесь презирают».

Эренбург пишет о стойкой человечности культуры Индии; пишет о сложной и напряженной духовной жизни Японии, о натиске американизма и о душевном сопротивлении ему, «о том, что начиналось на пороге японского дома». Снова характерный эренбургский повтор: «цена машины, привносящая технический прогресс, являясь недостаточной». И дальше: «я видел, как японцы, отнюдь не бездельные, сидели на татами и любовались соной или картиной». Иной вопрос, способна ли выжить культура, отнесенная за домашний порог, превращающаяся так или иначе в дело вкуса.

Так же полны тревоги страницы, посвященные Греции, полны тревоги и доверия: Эренбург верит, что культура и тут не отступила в музейные залы; и снова слышен его постоянный мотив — мотив презрения к деньгам как доказательству духовного здоровья: «Греция капитализм с его моралью... как-то не успел развиться».

Столкновения культуры и морали с «кажущимся благом и удобством», борьба человечности против буржуазного «расчеловечивания» — вот что составляет предмет дорожных наблюдений и дорожных раздумий Эренбурга. Перечитайте их: эта книга тиха и просит внимания.

«Реплики» ВЕДЬ ОНИ ТАКИЕ ОСТРОУМНЫЕ! ГОВОРЯТ, все остроумно издано советским изданием А. С. Пушкина. Журнал «Звезда» полон и в 1831 году написаны еще одно смешное место: «Малая блестящая восточная эрудиция, — смеется автор «Заметы», — не затрудняется раздумьями о мюридизме, смело пишет, что мюрид — это такая должность и что борцы «Ибрагим Али и Джелал» стали мюридами, телами хранилища эмира».

Вот и блеснул! Одна неудача только: «мюридизма» в Арганистане не было, а «мюриды» все-таки были и есть поныне. «Мюрид» — на пушту — может означать последователя, почитателя духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг...»

«Реплики» ВЕДЬ ОНИ ТАКИЕ ОСТРОУМНЫЕ! ГОВОРЯТ, все остроумно издано советским изданием А. С. Пушкина. Журнал «Звезда» полон и в 1831 году написаны еще одно смешное место: «Малая блестящая восточная эрудиция, — смеется автор «Заметы», — не затрудняется раздумьями о мюридизме, смело пишет, что мюрид — это такая должность и что борцы «Ибрагим Али и Джелал» стали мюридами, телами хранилища эмира».

Вот и блеснул! Одна неудача только: «мюридизма» в Арганистане не было, а «мюриды» все-таки были и есть поныне. «Мюрид» — на пушту — может означать последователя, почитателя духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг...»

«Реплики» ВЕДЬ ОНИ ТАКИЕ ОСТРОУМНЫЕ! ГОВОРЯТ, все остроумно издано советским изданием А. С. Пушкина. Журнал «Звезда» полон и в 1831 году написаны еще одно смешное место: «Малая блестящая восточная эрудиция, — смеется автор «Заметы», — не затрудняется раздумьями о мюридизме, смело пишет, что мюрид — это такая должность и что борцы «Ибрагим Али и Джелал» стали мюридами, телами хранилища эмира».

Вот и блеснул! Одна неудача только: «мюридизма» в Арганистане не было, а «мюриды» все-таки были и есть поныне. «Мюрид» — на пушту — может означать последователя, почитателя духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг...»

«Реплики» ВЕДЬ ОНИ ТАКИЕ ОСТРОУМНЫЕ! ГОВОРЯТ, все остроумно издано советским изданием А. С. Пушкина. Журнал «Звезда» полон и в 1831 году написаны еще одно смешное место: «Малая блестящая восточная эрудиция, — смеется автор «Заметы», — не затрудняется раздумьями о мюридизме, смело пишет, что мюрид — это такая должность и что борцы «Ибрагим Али и Джелал» стали мюридами, телами хранилища эмира».

Вот и блеснул! Одна неудача только: «мюридизма» в Арганистане не было, а «мюриды» все-таки были и есть поныне. «Мюрид» — на пушту — может означать последователя, почитателя духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг...»

«Реплики» ВЕДЬ ОНИ ТАКИЕ ОСТРОУМНЫЕ! ГОВОРЯТ, все остроумно издано советским изданием А. С. Пушкина. Журнал «Звезда» полон и в 1831 году написаны еще одно смешное место: «Малая блестящая восточная эрудиция, — смеется автор «Заметы», — не затрудняется раздумьями о мюридизме, смело пишет, что мюрид — это такая должность и что борцы «Ибрагим Али и Джелал» стали мюридами, телами хранилища эмира».

Вот и блеснул! Одна неудача только: «мюридизма» в Арганистане не было, а «мюриды» все-таки были и есть поныне. «Мюрид» — на пушту — может означать последователя, почитателя духовного руководителя, преданный друг... Не будем оценивать всех остроумных пируэтов, проделанных столь образованным «Читателем-писателем», — это «Замета» пространна. Не будем здесь разбирать и повесть Ю. С. Семенова «Читатель-писатель», — выражается в таком духе: «...Слишком долго жили мы в изоляции, почитатель духовного руководителя, преданный друг...»

МИР, ТОЛЬКО МИР!

КАКАЯ ТЕМА в искусстве сегодня особенно может затронуть миллионы сердец, вызвать ответные чувства доверия и благодарности художнику? К какому произведению искусства могут потянуться души людей, независимо от их национальных и социальных различий?

Он ответил на заботы государственных мужей, на думы народа, ответил в искусстве, силой своего недюжинного, своеобразного и разностороннего таланта.

Не надо долго искать ответа, он понятен каждому и абсолютно ясен — это благородная тема мира, дружбы. Это произведения, воспевающие созидательный труд человека.

Не трудно понять также и вторую, не менее важную задачу, решенную автором в его скульптурной композиции. Его озабоченный гипертрофирован. Это не просто дань анатомии, желание вылепить каждую мышцу. Этот человек обладает огромной силой. Хилому не справиться с такой грандиозной задачей. Вучетич поручает дело мира активному, надежному борцу.

В зале Организации Объединенных Наций выступает человек, отглаженный большею частью своего драгоценного времени делу мира между народами. Он предлагает от имени могучего государства, располагющего огромными ресурсами материалов и неслыханного мужества, объявить все законы войны, уничтожить, закрыть военные учебные заведения и штабы. Этот человек — Премьер Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев. Он призывает к разуму, к сугубой ответственности за судьбы человечества и предлагает вполне конкретные меры. Прелого немного времени, и в Кремле, на сессии парламента, еще ранее объявленного преступлением всякую военную пропаганду, любые призывы к человеческому братству, было принято решение о сокращении армии.

Евгения Вучетича знают далеко за пределами нашего Отечества. Он разговаривает с массами понятным им языком мобилизуя всего себя для осуществления наиболее близких и дорогих народу идей средствами ваяния. Вучетич никогда не считался беспредметным бездельником, не пострадала вкусам гурманов не рассчитывал на мольбу и лорнет. Его творчество ясно и впечатляюще. Мне нет необходимости перечислять всем известные работы Вучетича, ибо я не хочу думать о нашем читателе. Важно подчеркнуть только, что этот художник, студент Грекова, боец, всегда шагает в первой шеренге своих современников и творит вместе с ними, не боясь никаких трудов и ответственности.

Илья Эренбург, «Индия, Япония, Греция». «Искусство».

СОБЫТИЕ ВЕЛИЧАЙШЕГО ЗНАЧЕНИЯ

СЕМЬ дней находится в дружественной Индонезии с визитом доброй воли Никита Сергеевич Хрущев. Семь дней, казалось бы, небольшой срок, но как насыщены событиями эти дни! Встречи государственных деятелей обеих стран, беседы с простыми людьми. И везде, куда бы ни приехал посланец Советского Союза, индонезийцы оказывают ему восторженный прием. «Дорого пожаловать», «Да здравствует советско-индонезийская дружба», «Да здравствует брат Хрущев!» — эти слова, идущие от сердца, выражают и глубокое уважение, и признательность, и гордое сознание независимости народа, который еще совсем недавно был пленником колонизаторов, скованным в своих отношениях с другими странами. «По сиянию глаз этих сотен тысяч людей, по их возгласам Вы, несомненно, можете почувствовать, что Ваш приезд в Индонезию встречен народом с радостью и благодарностью», — сказал президент Республики Индонезии Сукарно.

Значение визита главы Советского правительства в Индонезию трудно переоценить. Симпатии советских людей всегда были на стороне тех, кто борется за независимость, отстаивает свою свободу. «Мы всегда будем вместе с теми народами, которые еще не освободились от колониального гнета, всегда будем вместе с теми народами, которые борются за укрепление политической независимости, за достижение экономической независимости... Мы всегда помогаем и будем помогать народам, завоевавшим политическую независимость, достигнув независимости экономической», — сказал в своей речи в Джакарте Никита Сергеевич.

Благородство, глубокий гуманизм советской политики по отношению к странам, обреченным недавно на независимость, бескорыстное желание помочь им выражены в этих словах. Дружба советского и индонезийского народов — это дружба равных: более сильная страна помогает более слабой, не выдвигая при этом никаких условий, никаких требований. И не удивительно, что вся индонезийская печать горячо откликнулась на готовность Советского Союза оказать экономическую помощь Индонезии, способствовать созданию национальных кадров. Решение Советского правительства учредить в Москве Университет дружбы народов для подготовки кадров специалистов вызвало восторженные отклики в Индонезии.

Визит Никиты Сергеевича Хрущева в Индонезию, которому предшествовало кратковременное пребывание в Индии и Бирме, привлекает внимание мировой общественности. Все крупнейшие телеграфные агентства помещают подробные отчеты о его поездке, отмечая горячий прием, оказанный посвояду советскому гостю. «Хрущев встретил самый ошеломляющий прием за все время своей нынешней поездки» — пишут корреспондент Франс Пресс, отмечая, что многотысячная толпа стояла на всем протяжении двухкилометрового пути к президентскому дворцу. Другая мировая, прогрессивная мысль Запада справедливо оценивает миссию доброй воли советского государственного деятеля как важнейший вклад в дело предотвращения новой войны.

Поэтому пытаются представить дело реакционными кругами Запада. Они не скрывают тревоги и сомнения, недовольства тем, что народы Юго-Восточной Азии исполняют симпатии и чувства дружбы по отношению к Советскому Союзу. Некоторые из буржуазных газет прибегают к злобной клевете, надеясь запугать своих читателей затасканным жульонком «коммунистической экспансии». Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернейшнэл утверждает, будто «Хрущев будет изюв Азии, сил стараться распространить коммунистическое влияние на Юго-Восточную Азию, ввязавшись в борьбу Сукарно и богатую естественными ресурсами Индонезию».

Нагла, бессовестная ложь! Советский Союз никогда не навязывал и не навязывает своего строя, своего образа жизни другим народам. Наоборот, он проявляет глубокое уважение и понимание особенностей, условий, национальных традиций народов. Полное отсутствие каких-либо корыстных намерений у нашей страны доказано отношениями между Советским Союзом и многими государствами Азии и Африки, которыми наша страна оказывает экономическую помощь. Народы восточно убеждаются в преимуществах социалистической системы. Конечно, неуютно от этого сознания господство империализма. Но что тут поделаешь!

«Народы стран Юго-Восточной Азии горячо приветствуют посланца дружбы и мира — Никиту Сергеевича Хрущева. Приветствуют от всего сердца, ибо сознают, что он несет на их землю мир и покой».

ХРОНИКА

Одна из пяти

В норвежской печати в последнее время широко обсуждается вопрос о положении писателей. В связи с этим газета «Дабладет» в своем издании 10 ноября опубликовала статью председателя Союза норвежских писателей Ханса Хейберга, произнесенной им на собрании библиотечных работников в г. Бергене.

Основной вопрос, на котором остановился Х. Хейберг, — тяжелое материальное положение многих писателей. Создавшаяся ситуация, по его мнению, настолько катастрофична, что творчество многих литераторов грозит опасностью выродиться в чисто диетантское занятие, «если не будут немедленно созданы условия, которые дадут возможность писателям жить за счет своего творчества». Ничтожно низкие гонорары (в год писатель зарабатывает меньше каменички) не могут обеспечить прожиточный минимум для литераторов, и условия эти ухудшаются. Все это непосредственно отражается на творческой активности художников: слова с каждым годом книг норвежских писателей выходят все меньше. Достойно сказать, что за минувшие десять лет издание книг отечественной литературы сократилось в два раза. Начинаясь авторам почти невозможно опубликовать свои работы, произведения же старых и более известных либо откладываются на года в год...

А вместе с тем, отмечает Хейберг, «издается все больше и больше обращаются к изданию иностранных бестселлеров». Книгоиздатель, стремящийся к получению прибыли, не интересуется отечественной литературой. Вот одна из причин, почему на книжном рынке доминирует переводная литература. И только каждая пятая книга, по данным издательской статистики, принадлежит норвежскому писателю. Но даже если произведение будет издано, оплата труда писателя настолько мала, что многие вынуждены заниматься еще какой-нибудь дополнительной работой.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Варшаве открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

Роман о жизни Саудовской Аравии

Литература Саудовской Аравии еще молодая, она делает только свои первые шаги. Но знаменательно, что ее писатели стремятся правдиво отразить жизнь, показать противоречия действительности.

В связи с этим обращает на себя внимание книга арабского писателя Хамида Даманхури «Цена смерти». Это первый роман в литературе Саудовской Аравии. Автор не выходит из рамки семейно-бытовых проблем. Но в романе затрагиваются и важные вопросы социальной жизни киданского общества. Писатель рисует внутренний конфликт «отцов и детей». Молодое поколение тянется к знаниям, к культуре. Однако герою романа Ахмеду и его друзьям приходится преодолеть строгий запрет старших, которые считают, что в их жизни наука не нужна, что «детям» должны довольствоваться ограниченными знаниями. Самыми типичными автором являются Хамид Даманхури, который стремится к знаниям, и образованный отец, который хватывает молоденького сына и литераторов Абдалла Абду-Джаббар пишет, что Хамид Даманхури создал «замечательный образец повествовательного жанра... Это картина общества, в котором живет сам писатель».

Народный театр в Ростове (ГДР) поставил пьесу Манфреда Рихтера «Остров богов». Пьеса посвящена национальному герою Греции Манолису Глеозу. Режиссер спектакля Ральф Беттнер.

Литературная премия Анри Аллегу. В Милане состоялась церемония вручения литературной премии «Омения», присужденной французскому журналисту-демократу Анри Аллегу, автору известной книги «Допрос под пыткой», в которой он рассказал правду об издевательствах колонизаторов над алжирскими патриотами. Аллегу и по сей день находится в тюрьме в Алжире, поэтому премия была вручена его жене Жильберте Алле.

Литературная премия «Омения» была учреждена 12 лет назад муниципальным советом города Омения и присуждается ежегодно за произведения, защищающие идеалы движения Сопротивления фашизму. На этот раз присужденная премия носила необычный характер. После того как жюри решило наградить премией 1959 года Анри Аллегу, муниципальный совет города Омения, по установившейся традиции, выделил для этой цели миллион лир. Неожиданно префект провинции Новара, в которой расположен город Омения, запретил передачу премии Аллегу из фондов муниципального совета.

Такое решение носило явно политический характер, вызывая протест демократической общественности страны. По инициативе писателя Л. Репачи — члена Всемирного Совета Мира — по всей Италии был организован сбор средств в фонд премии. Видные деятели культуры, писатели, журналисты, а также многие простые граждане приняли участие в этой кампании. В результате за короткий срок была собрана сумма, значительно превышающая размер премии. При вручении ее жене Анри Аллега председатель жюри писатель Гуджо Пьевене заявил, что «борьба против тех, кто пытал Аллега и других его товарищей, — долг всех свободных людей».

В этом году появились две мои книги о Сербии и о Риме, а также впервые здесь выйдет в свет моя книга об Италии, ранее изданная в Германии. Наконец, буду работать над фильмом, в котором возобновлю разговор о Сицилии.

Альберто Моравиа: Надеюсь закончить свой новый роман. Что он собой представляет? Скажут точно — трудно. Впрочем, мне бы и не хотелось говорить что-либо заранее. Когда трудиться над какой-нибудь темой, можно говорить о ней бесконечно. Я же предпочитаю лучше работать...

Кроме того, предстоит одна конкретная работа вместе с Павлози: написать сценарий фильма по «Римским рассказам».

Артур Адамов: Мне бы хотелось скорее закончить новую пьесу, над которой я сейчас работаю, и, разумеется, хотелось бы, чтобы она была удачной. Это пьеса о Парижской Коммуне, озаглавленная «Весна 1871 года». Надпись, что в 1960 году она будет поставлена во многих странах, и прежде всего во Франции...

В Вильгельме открылась выставка «Гоголь и польская культура». Выставка имеет два раздела: первый — польской культуры на Гоголя и влияние Гоголя на творчество польских писателей, критиков, литературоведов, художников, отзывы о нем читателей. Особый зал посвящен современному постановкам пьес Гоголя на польской сцене и иллюстрациям польских художников к его произведениям.

Самое опасное состоит в том, что многие немцы здесь, в Западной Германии, не чувствуют, как на них нависает угроза. За сегодняшней сытостью, в погоне за мелкими благами жизни рядовой гражданин Федеративной Республики может и не заметить, как он снова окажется в цепких лапах... Белья при этом подчеркивал, что, по его мнению, опасны не только те «неправильные», которые до сих пор являются именем Гитлера и собираются на

В ПОСТЯХ у Генриха Бёлля

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

сходки маленьких неонацистских групп. Гораздо опаснее те люди, которые, сохраняя нацистские воззрения, преспокойно устроились в «новой демократии», стали чиновниками или политиками Федеративной Республики.

Эта тема нашла свое выражение и в страницах последнего романа Бёлля, который появился в книжных лавках ФРГ в конце 1959 года. Название романа — «Виллиард» в половине десятилетия. Тема романа — судьба последних трех поколений немецкой интеллигенции.

Я не хочу предвосхищать работы литературных критиков, которые скоро начнут разбирать это сложное по форме и содержанию произведение. Его сложность заключается хотя бы уже в том, что судьба всех трех поколений как бы «спроектирована» на экран событий одного дня: действие романа начинается на рассвете осеннего дня 1958 года и кончается вечером того же дня. Но в этих рамках заключено сложнейшее переплетение человеческих судеб. Перед нами прохлывают многие десятилетия. «Проекция» автора отводит нас подчас очень далеко — в кайзеровскую эпоху, веймарские годы, в годы нацистской диктатуры.

Тем не менее роман Бёлля — весь в сегодняшнем дне. Роман и начинается с того, что с годами устоявшийся ритуал жизни архитектора Роберта Фемеля, игравшего изо дня в день подпольного угра в бильярд, 6 сентября 1958 года прерывается неожиданным диссонансом. Фемеля хочет видеть его однокурсник, писатель Неттлингер. Вместо этого имени в разговорную жизнь западногерманского буржуа входит страшное прошлое.

Неттлингер учился с Робертом Фемелем в школе. Но если Роберт избрал призвание архитектора, то Неттлингер стал нацистским чиновником. Он и школьный наставник Фемеля Ванано заняли высокие посты в гестапо. От их рук погибла жена Роберта Эдит, были умерщвлены многие друзья Роберта, бежал в 1936 году в эмиграцию брат Эдит — Альфред Шрелла.

Прошли годы, но Неттлингер снова на очень важном посту в ФРГ. Когда же эмигрант Шрелла релается вернуться в Западный Германию, его арестовывают сразу на границе. Почему? Да просто потому, что имя Шреллы есть в списках лиц, подлежащих немедленному аресту. Списки остались в силе.

Неттлингер и Шрелла — это побочные фигуры в новом романе Бёлля. Но они необходимы, так как отношение к ним определяет характер главных героев.

Произведения Бёлля полны резких теней, его герои нервы и издерганы, сарказм некоторых рассказов убийствен, а сам автор медлителен и добродушен. Он повторяется, повторяется, повторяя концы фраз, любит долгие паузы. Он не трыбун — и во внешнем облике, и в своих произведениях.

С то лет назад в эти места, в Горы долины Калифорния, хлынули потоки людей, охваченных золотой лихорадкой. Сейчас сюда устремились сотни спортсменов из всех уголков земного шара, а следом за ними — тысячи любителей спорта.

Когда американцы предложили долину Скво Вэлли для проведения восьмью зимних олимпийских игр, они ушли все е до основания. Прежде всего то, что долина является великолепной спортивной площадкой.

По американцы ушли и то, что Скво Вэлли граничит со штатом Невада, единственным в США, где разрешены игровые клубы. И этот коммерческий расчет тоже себя оправдал.

Американцы хорошо подготовились к встрече зрителей олимпиады. В короткий срок здесь, в местах, удаленных от крупных городов, было выстроено много небольших гостиниц, работающих по принципу самообслуживания: в них нет ничего лишнего и есть все необходимое. Проложены дороги, подготовлены огромные площадки, вернее, площади для стоянок личных автомашин. В долину сошли тысячи специальных машин для расчистки дорог от снежных заносов — им пришлось уже немало потрудиться. Открыты рестораны, закусочные, бары, аптеки — так называются специальные магазины, в которых круглые сутки можно купить все, включая лекарства. Присланы усиленные отряды полицейских. Словом, все было продумано, — вплоть до неоновых надписей на гостиницах: «Есть вакансии» и «Нет вакансий».

Тем не менее — по злой иронии — олимпиада открылась с запозданием. Правда, опоздание было пустяковым — всего на четверть часа, но о нем стоит сказать, не боясь упрека в педантизме. Я уж не говорю о том, что любое опоздание — случай беспрецедентный в организации крупных спортивных соревнований. Но этот пример, к сожалению, далеко не единственный.

Американцы гордились тем, что впервые на олимпийских играх начнет работать знаменитая счетная машина «Рамак», которая с молниеносной быстротой и абсолютной точностью будет подводить результаты соревнований. Машина пришла нам приглашения посетить ее. Мы пошли познаться с нею, но у входа в павильон висело объявление о том, что машина протит извинения и не может прийти

ТАЛАНТ МЫСЛИТЕЛЯ

ИСПОЛНИЛОСЬ 70 лет крупному болгарскому философу, общественному деятелю, публицисту, исследователю марксистско-ленинской эстетики Тодору Павлову. Болгарская общественность широко отметила эту дату в жизни ученого. Более пятидесяти лет он разрабатывает перо богатая болгарскую науку и культуру, более пятидесяти лет он разрабатывает самые актуальные и сложные проблемы марксистско-ленинской философии, эстетики, теории литературы.

Сын учителя, Тодор Павлов с детских лет был глубоко связан с народом, с его жизнью. С 1919 года состоит он членом Болгарской коммунистической партии, под влиянием и с помощью которой вырос в одну из ярких фигур современной болгарской культуры и болгарской общественной мысли. Интересно отметить, что Т. Павлов начал как литератор: в 1906 году он выпустил свою первую книгу «К новой жизни». Драматические сцены, а пятнадцать лет спустя — «Питичи и поэмы. 1906—1918». Одновременно с этой книгой Тодор Павлов выпустил перевод одной из советских работ о трудовом воспитании, что явилось характерным подтверждением его пристального внимания к советской науке, культуре, литературе.

В двадцатые-тридцатые годы Т. Павлов редактирует газеты «Знамя труда», «Отклик». «Новости», публикуя вместе с тем свои работы по педагогике, философии, эстетике. Его выступления находят широкий отклик и поддержку у прогрессивной общественности, и не удивительно, что позднее фашистская полиция подвергла преследованию книги ученого, приказав изъять их из библиотек.

Много дал Тодору Павлову пребывание в Советском Союзе в 1932—1936 гг. где он занимался педагогической деятельностью. В Москве на русском языке впервые был издан его капитальный труд «Теория отражения», выпущенный затем в Болгарии и переведенный на многие иностранные языки. Эта и последующая работа выявляют характерные черты Т. Павлова-ученого — подчеркнутую склонность к глубокому диалектическому анализу, широту взглядов, острому урдуцию.

Значительный вклад Тодора Павлова в разработку проблем марксистско-ленинской эстетики и литературоведения. Им написан целый ряд работ по болгарской классической и современной литературе, среди них — «Христо Ботев — поэт, критик и философ», «Иван Вазов — народный поэт и классик», «Болгарские поэты и писатели» и другие. Ученый постоянно обращается к советской литературе, исследует ее связи и значение для развития его родной литературы. «Поэзия Владимира Маяковского и некоторые основные вопросы литературной теории» — критики, «Маркс Горький», «А. С. Пушкин, Максим Горький, Владимир Маяковский, Хр. Ботев, Дим. Влагов» — вот лишь некоторые из его исследований в этой области.

Тодору Павлову свойствен необыкновенно широкий диапазон научных интересов. Пожалуй, нет такой области общественных наук, которой бы он не касался и которой бы не исследовал со всей строгостью подлинного ученого, будучи на перекрестке рубежей современной науки. Так, в прошлом году вышла его работа «Теория отражения и кибернетика».

В связи с юбилеем ученого болгарский журнал «Пламя» писал: «Невероятно, что ему исполнилось 70 лет. Невероятно не только потому, что он не состарился, а потому, что, когда читаешь его новые произведения, написанные совсем недавно, невозможно себе представить, что эти темпераментные и наполненные духом молодости произведения вышли из-под пера 70-летнего Тодора Павлова...»

Он — живой пример для всех нас, волевал серебряную медаль. А кому вручена золотая? Снова замечательной советской спортсменке студентке из Челябинска Лидии Скобликовой.

Советские лыжницы не стали, как выражаются спортсмены, засиживаться на старте и на 10-километровой дистанции заняла четыре первых места.

Гордые и счастливые стояли наши лыжницы перед олимпийским факелом и получали под бурные аплодисменты тысяч зрителей награды. Потом о победительнице пригласили в пресс-центр, где их обступили десятки журналистов. Наши девушки, смелые и уверенные на лыжной трассе, тут оказались застенчивыми и робкими.

А через час здесь же, в пресс-центре, перед журналистами выступила американская лыжница Пенни Питоу. С этой спортсменкой мы познакомились еще в Нью-Йорке. Ее портрет был напечатан на обложке журнала, который можно было видеть в каждом киоске Питоу — одна из самых популярных в США спортсменок. Ее знает и любит, ее есть за что любить: искусный мастер, она занимается спортом, который требует огромного самообладания и смелости, — скоростным спуском на лыжах. Питоу прочлила золотую медаль чемпионок, но ее обошла немская спортсменка. Американке пришлось довольствоваться вторым местом. Но, в конце концов, и серебряная медаль — почетная награда.

Всем очень понравилась посылка спортсменки Питоу на крутом склоне горы Скво Вэлли, когда она с ураганной скоростью неслась вниз. Но значительно меньше впечатление произвела она в зале пресс-центра, хотя и прилагала все усилия, чтобы понравиться. Виноу тому — развязный тон ее выступления.

Большое количество зрителей привлекают игры в хоккей. Советские хоккеисты провели уже три встречи и все их выиграли. Кто-то в шутку заметил, что у наших игроков есть счастливое число «8». И действительно, в каждой из игр наши нападающие забивали в ворота своих противников по 8 шайб. Защитники советской команды, в отличие от нападающих, не блещут постоянством — в игре с немцами они наделно заперли свои ворота на замок, но в матче с финнами пропустили 4 шайбы. С самым сильным соперником — Канадой — советские хоккеисты встречаются в последний день олимпиады.

Скво Вэлли, 24 февраля. (По телефону)

Правление и партбюро Союза писателей Украины с глубоким прикосорением извещают о скоростной смерти писателя

Евгений Иванович КРИБИВНО, последовавший 21 февраля сего года, и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. М. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

1960 ГОД: ПЛАНЫ И НАДЕЖДЫ

Недавно на страницах газеты «Уинта» ряд итальянских и французских писателей поделился своими творческими планами. Сальваторе Квазимодо: «Могут сообщить, что начал писать пьесу под названием «Продавший дьявола». Премьера состоится в Стокгольме в 1960 году. По существу, это моя первая работа для театра. Возможно, в Италии выйдет новый сборник моих стихов, среди которых есть одно, навеянное в воспоминаниях о днях, проведенных в болоньезе в Москве. Кроме того, на границе появится несколько изданий собранных моих стихов (одно такое издание на испанском языке — уже вышло в Буэнос-Айресе).

Ариано: «Я в 1960-м и в 1961-м буду полностью поглощен одной работой: в сотрудничестве с Андре Моруа писать книгу «История СССР и США в параллельном движении с 1917 до 1960 года». Моруа работает над частью, касающейся Соединенных Штатов, а я — Советского Союза. Мы оба будем сдать рукопись к 30 октября 1961 года.

Пьер Паоло Паволини: У меня в работе, как всегда, много материала. План мой, который надеюсь выпустить в следующем году. Прежде всего напишу три сценария: «Ночь 1943 года» по рассказу Бассани, «Весточка из детства» по рассказу Моравиа и «Бурная жизнь» по моему последнему роману. Весной я намерен составить отчетный роман, куда войдет часть моих статей. Кроме того, постараюсь довести до конца повесть «Инфернито», а осенью написать первую часть нового романа «Денежная река».